

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>

Особенности водной дипломатии в Центральной Азии

Гулбара Ч. Акунова

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
akunovag17@gmail.com*

Аннотация: Водная проблематика традиционно составляет одно из наиболее сложных и противоречивых вопросов в Центральной Азии. На протяжении 30 лет с момента обретения независимости пять республик не могут прийти к единому соглашению по использованию водных ресурсов. Главным образом потому, что их интересы не совпадают. Условно регион поделен на сельскохозяйственные и энергетические республики. Одним нужно орошать свои земли, другие заинтересованы производить электричество. Каждая из пяти республик стремится учитывать в первую очередь свои интересы, иногда не считаясь с интересами соседей. В статье рассматривается проблемы развития водной дипломатии между государствами Центральной Азии. Отмечается, что данная проблема является актуальной для региона в связи с особенностями положения и правового режима трансграничных рек в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, трансграничные реки, водная дипломатия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Для цитирования: Акунова Г.Ч. Особенности водной дипломатии в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):229-241. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>:

Статья поступила: 28.03.2021

Принята в печать: 07.05.2021

Опубликована: 25.06.2021

Features of Water Diplomacy in Central Asia

Gulbara Ch. Akunova

*Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
akunovag17@gmail.com*

Abstract: Water issues are traditionally one of the most complex and controversial issues in Central Asia. Over the 30 years since independence, the five republics have not been able to come to a single agreement on the use of water resources. Mainly because their interests do not coincide. The region is conventionally divided into agricultural and energy republics. Some need

to irrigate their lands, others are interested in producing electricity. Each of the five republics strives to take into account primarily its own interests, sometimes disregarding the interests of its neighbors. The article deals with the problems of the development of water diplomacy between the states of Central Asia. It is noted that this problem is relevant for the region due to the peculiarities of the position and legal regime of transboundary rivers in Central Asia.

Keywords: Central Asia, transboundary rivers, water diplomacy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan

For citation: Akunova G.Ch. Features of water diplomacy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):229-241. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>

Received: 28.03.2021

Revised: 07.05.2021

Published: 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

Вода — один из важнейших стратегических ресурсов на земле, «голубое золото», к которому более 2 миллиардов человек не имеют прямого доступа. Качество воды и ее доступность зависят от многих факторов, таких как изменение климата, рост населения, социально-экономические условия, нерациональное использование водных ресурсов и так далее. В ближайшем будущем нагрузка на мировые водные ресурсы будет продолжать расти. Если человечество можно представить без нефти, металла или других полезных ископаемых, то без двух глобальных природных ресурсов — воздуха и воды представить невозможно.

Водный фактор все больше влияет на характер отношений между государствами. Вода не признает политических и государственных границ, что делает государства взаимозависимыми с точки зрения водопользования. Географическое положение позволяет ряду стран контролировать водные ресурсы и использовать такую возможность в политических целях. Особенно остро этот вопрос стоит в Центральной Азии, где вода неравномерно распределена между республиками региона. Две самые

крупные трансграничные реки региона — Амударья и Сырдарья формируются в горах Кыргызстана и Таджикистана. Эти реки стекают в страны нижнего течения — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Таким образом, страны низовья находятся в зависимом положении от стран верховья — Кыргызстана и Таджикистана, которые могут самостоятельно регулировать сток крупнейших рек в регионе.

Ситуация осложняется различными подходами к водопользованию. Если для стран низовья, обладающие значительными сельскохозяйственными ресурсами, вода необходима для ирригационных нужд, то для стран верховья для энергетических. Сельское хозяйство одна из основных отраслей экономик Казахстана, Туркменистана и Узбекистана и большая часть населения нижних стран прямо или косвенно зависит от орошаемого земледелия. Гидроэнергетика имеет важное значение для Кыргызстана и Таджикистана, производства энергии удовлетворяет более 90 процентов от общей потребности в верхних странах, а также является экспортным товаром. Конкурирующие отрасли сель-

ского хозяйства стран низовья и гидроэнергетики в странах верховья подогревают серьезные споры в регионе [1], где каждая республика, в первую очередь, учитывает свои национальные интересы. Президенты центральноазиатских республик на протяжении всего периода после обретения независимости не могут прийти к консенсусу относительно водного вопроса в регионе. Следует учесть, что увеличение населения, расширяющаяся экономика, растущее давление на окружающую среду и практика нерационального потребления продолжит создавать нагрузку на общие водные ресурсы Центральной Азии. Все больше вопросов воды рассматривается как инструмент политического влияния. Как отмечают эксперты, «водные проблемы Центральной Азии не являются проблемой дефицита воды как такового, а результатом комплекса политических, геополитических, экономических и социальных мотивов» [2].

РАЗВИТИЕ ВОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия была определена как один из регионов с наибольшей вероятностью возникновения конфликтов из-за воды. Основной причиной этого является ухудшение экологических и социально-экономических условий наряду с ростом политической напряженности. Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек — Сырдарьи и Амударьи. После распада СССР единый водохозяйственный комплекс был разрушен и две главные реки обрели трансграничный характер. Теперь новые республики Центральной Азии были разделены не только территориальными границами, но и на так называемые страны верховья — Кыргызстан и Таджикистан, и страны низовья — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Страны, расположенные

в верховьях — и низовьях имеют разные экономические интересы. Кыргызстан и Таджикистан генерируют электричество, а Казахстан, Узбекистан и Туркменистан выращивают сельхозпродукцию. Энергетики заинтересованы накапливать воду в летнее время, чтобы зимой вырабатывать свет, а аграриям вода нужна именно летом, в поливной сезон [3]. В советский период в Центральной Азии на первый план ставились ирригационные потребности, разворачивалась бурная деятельность по орошению засушливых земель. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан являлись наиболее подходящими для выращивания сельскохозяйственных культур. Кыргызстан и Таджикистан богаты водными ресурсами поставляли воду на нужды орошаемого земледелия соседних республик. Взамен страны низовья снабжали сельскохозяйственной продукцией и энергоносителями страны верховья. Такой подход — взаимной компенсации позволял наиболее оптимально управлять водными ресурсами в регионе. Однако новая геополитическая реальность требовала новых соглашений и договоренностей по использованию трансграничных рек. В первые годы республики договорились сохранить статус-кво т. е. следовать механизму, поставленному еще в советское время.

Важнейшим политическим шагом стала инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии о принятии в октябре 1991 года Ташкентского заявления. Оно стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В нем стороны договорились о совместном использовании водных ресурсов, с учетом интересов всех сторон [4]. В заявлении были приняты важнейшие принципы общего

водопользования, такие как необходимость принятия мер для предотвращения негативных последствий, связанных с усыханием Аральского моря (пункт 1), сохранение принципа водного квотирования между странами верховья и низовья (пункт 5), обмен информацией об использовании водных ресурсов и инфраструктуре водопользования (пункт 6), решать совместно все спорные вопросы касательно водохозяйственных проблем в регионе (пункт 8) [5]. Следующим этапом стало становление правовой и организационной базы сотрудничества в области водопользования. В 1992 году было принято Алма-Атинское соглашение [6]. В котором было инициировано создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), органа для проведения согласованной политики водопользования в регионе. В состав комиссии вошли руководители водохозяйственных ведомств пяти республик. В целом в соглашении стороны признавали необходимость сохранения советской схемы вододеления. Однако, многие пункты Алма-Атинского соглашения содержали размытые формулировки, без каких-либо обязательств и не были реализованы на практике. Кроме этого, интересы стран верховья учитывались в меньшей степени, к примеру, не оговаривался механизм поставки им дешевой энергии взамен спускаемой воды и механизм компенсации за эксплуатацию водохранилищ, построенных в советское время.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 году, когда Узбекистан за долги оставил Кыргызстан без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Кыргызстан объяснил необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период.

К такому шагу Кыргызстан подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов, тяжелая экономическая ситуация в стране [4]. Водные ресурсы стали предметом торга между центральноазиатскими республиками. Каждая сторона хотела учесть в первую очередь свои интересы, даже если они противоречили интересам соседей. Кыргызстан и Таджикистан считали, что вода, формирующаяся на их территории, является внутригосударственным богатством, когда как Казахстан, Туркменистан и особенно Узбекистан рассматривали воду как общий природный ресурс и все государства региона имеют равные права на его использование. Кроме этого, вода в регионе представляла собой не только природный ресурс, но и мощный рычаг воздействия способный влиять на сопредельные страны. Ситуация в регионе накаляется и осложняется без того напряженные отношения между соседями. Однако республики осознавали, что при сложившихся условиях управление региональными водными ресурсами могло осуществляться лишь при согласованных действиях сторон. В 1995 году на встрече всех президентов стран Центральной Азии была подписана Нукуская декларация. В декларации страны Центральной Азии признавали растущий дефицит воды в регионе и необходимость развивать многостороннее сотрудничество. Кроме этого, республики соглашались с ранее подписанными соглашениями в сфере водных ресурсов [7]. Заключенные соглашения лишь на определенный период сглаживали конфликтный потенциал. Расхождение интересов государств низовья и верховья постепенно углублялся, становился очевиден некий крен в сторону экономически более развитых государств низовья, требующих увеличения попусков воды в вегета-

цию для своих орошаемых земель, что идет вразрез с интересами Кыргызстана и Таджикистана, стремящимися снизить уровень своей энергозависимости, в первую очередь, от Узбекистана [8 с.68]. В связи с постоянными конфликтами, особенно между Кыргызстаном и Узбекистаном, в 1998 году было принято Соглашение о совместном использовании водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сырдарья заключенное между Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном [9]. Согласно ему, Кыргызстан брал на себя обязательства летом сбрасывать большую часть воды Казахстану и Узбекистану, которые в свою очередь обещали поставлять Кыргызстану электроэнергию зимой. Планировалось, что точные количества ресурсов будут ежегодно определяться в ходе переговоров. В данном соглашении были заложены положительные принципы, как взаимовыгодное сотрудничество, добрососедство и соблюдение обязательств. Однако оно имело рамочный характер и многие детали остались не проработанными. Например, не удалось прийти к единой тарифной политике по различным видам энергоресурсов, не давалось определений понятиям «дополнительно выработанная электрическая энергия сверх нужд», «необходимые ежегодные и многолетние запасы воды в водохранилищах для ирригационных нужд». С самого начала стороны с нарушением выполняли условия Соглашения. Каждое нарушение сопровождалось взаимными упреками и обвинениями, в итоге оно утратило силу.

На протяжении 30 лет с момента обретения независимости республики Центральной Азии не могут наладить механизм распределения воды в регионе. Казалось бы, решение проблемы лежит на поверхности: верховья поставляют летом воду, тем самым было бы обеспечено орошение сельскохозяйственных земель, а низовья

зимой — электричество. Таким образом, сохранился бы механизм, разработанный еще в советское время. Однако с распадом СССР, отпал и внешний наднациональный контроль, нарушился гидроэнергетический баланс. Теперь каждая республика стала защищать собственные интересы. Туркменистан и Узбекистан перестали снабжать Кыргызстан и Таджикистан дешевой энергией, следовательно, этим двум странам, которые, итак, были экономически слабее своих соседей, пришлось задуматься об альтернативных источниках энергии, как строительство ГЭС. Одним из немногих примером успешного сотрудничества между республиками верхнего и нижнего течения может служить Казахстан и Кыргызстан, которые смогли договориться об обмене электроэнергией «по условной цене». Согласно протокольному поручению, «Кыргызстан за июнь–август выдаст до 300 миллионов киловатт-часов с попуском до 330 миллионов кубометров воды через Уч-Курганскую ГЭС». Возврат эквивалентного объема электроэнергии Казахстан произведет с сентября по ноябрь. [10]. Однако, как показывает опыт наличие межгосударственных соглашений и договорённостей не гарантирует успешного сотрудничества в Центральной Азии. На региональном уровне существует общая информационная система и принятые странами совместные подходы по водным вопросам, могут не соблюдаться при политических и экономических разногласиях. [11]. В конечном итоге, вопрос эффективного использования водных ресурсов остается одной из важнейших стратегических задач государств Центральной Азии.

ВОДА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТОВАР

В ближайшее десятилетие мировое потребление воды будет только расти. В докладе ООН говорится, что глобальное

водопользование увеличилось в 6 раз за последние 100 лет и продолжает неуклонно расти со скоростью 1% в год. Такими темпами мир может столкнуться с 40-процентным глобальным дефицитом воды к 2030 году [12]. Дефицит воды усиливается в результате двух основных факторов как потепления климата и увеличения населения земли. С 1970-х годов зарегистрированная температура воздуха в регионе повысилась на 0,3–0,4 °С. В дальнейшем прогнозируется рост среднегодовой температуры на 3,7 °С к 2100 году [13]. Согласно ООН, «численность населения Центральной Азии вырастет до 82 миллионов человек к 2050 году» [14]. Значение воды в XXI веке можно сравнить с нефтью в XX. Однако реальность такова, что у нефти есть альтернативы, такие как природный газ, энергия ветра, солнца и атомная энергия. Напротив, для промышленности и сельского хозяйства, а также для питья и санитарии единственной альтернативой воде — является вода [15].

Кыргызстан активной всего в регионе продвигает идею, что вода является таким же товаром, как нефть и газ. Бишкек не устраивало то, что необходимо было закупать топливо у соседей, в частности у Узбекистана по высоким ценам, за которое республика была не в состоянии платить своевременно и в полной мере. В связи с этим в политических кругах Кыргызстана все громче звучала идея, о необходимости закрепить на законодательном уровне воду как товар. Одной из первых инициатив стало издание в июне 1997 Постановления «О межгосударственном водопользовании Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном водными ресурсами Кыргызстана» [16]. В постановлении говорилось о необходимости установлении платы за воду, поступающую из водохранилищ Кыргызстана в соседние республики. В 2001 году вышел

Закон Кыргызской Республики «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» [17], в котором вода признавалась как вид природных ресурсов, имеющей свою экономическую стоимость и являющейся товаром. Кыргызстан это объяснял необходимостью тратить деньги на поддержание своих водохранилищ, и поэтому хотел, чтобы государства, расположенные ниже по течению, разделили часть финансового бремени. Идею взаимодействия на принципах рыночной экономики для решения водных проблем продвигают, прежде всего, «верхние» страны, рассчитывающие на компенсацию за воду трансграничных рек в денежном или углеводородном эквиваленте [18].

В своей статье в журнале «Хроника ООН» под названием «Вода для устойчивого развития» Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил, что «...тенденции мирового развития таковы, что стоимость воды может превзойти стоимость нефти, газа, угля и других ресурсов, необходимых для устойчивого будущего каждой страны и региона» [19]. Президент Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков на 73 Генассамблее ООН в сентябре 2018 года заявил, что «Кыргызстан последовательно выступает за разработку и внедрение в Центральной Азии взаимовыгодных экономических механизмов в данной сфере». Однако страны низовья придерживались прямо противоположной точки зрения. На той же сессии Генассамблеи ООН Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов выступил со следующим посылом: «Наша страна твердо придерживается принципа, что вода — это общее достояние всех народов планеты, а равный и справедливый доступ к чистой питьевой воде является фундаментальным правом человека» [20]. Исходя из всего следует, что стра-

ны верховья, являясь экономически более слабые пытаются убедить соседей рассматривать воду как товар. В первую очередь потому, что страны верховья не обладают сельскохозяйственным потенциалом, а располагают значительными водными ресурсами. Вода является одним из основных богатств Кыргызстана и Таджикистана, и, главным образом, ее рассматривают в качестве рычага для поднятия своих экономик. В регионе существует две прямо противоположные точки зрения на вопрос воды как товара. Базовые права на воду усложняют процесс взимания платы за право пользования водными ресурсами. Однако наличие цены на воду даст четкий сигнал о том, что вода действительно является дефицитным товаром, который следует использовать экономно. Это будет стимулировать к сохранению, более бережному отношению и использованию воды для высокоэффективных целей.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГЭС КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА

Уровень напряжения в регионе возрос с заявлением стран низовья об возобновлении строительства Камбаратинского Каскада ГЭС в Кыргызстане и Рогунской ГЭС в Таджикистане. Такие заявления находили резко отрицательную реакцию у стран низовья, которые опасались, что строительства ГЭС приведет к дефициту воды в их странах. Особенную озабоченность выражал Первый Президент Узбекистана Ислам Каримов. Так, в 2012 году во время официального визита в Казахстан Ислам Каримов высказался относительно возобновления строительства гидроэлектростанций в Кыргызстане и Таджикистане. По его мнению, такие решения должны происходить с согласия всех стран, проживающих вдоль стока рек в Центральной Азии «те, кто живут наверху, я имею в виду Таджи-

кистан и Кыргызстан, они заинтересованы в энергетическом использовании стока. Но, к сожалению, они забывают, что Амударья и Сырдарья — это трансграничные реки. Водные ресурсы могут стать проблемой, вокруг которой обострятся отношения в Центрально-Азиатском регионе. Все может усугубиться настолько, что это может вызвать не просто религиозное противостояние, а войны» [21]. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев поддержал его позицию. По его словам, Казахстану и Узбекистану, являющимся странами нижнего течения рек Сырдарья и Амударья, необходимы гарантии безопасности. «Это нужно не нам, президентам, а нашим народам, нашей экологической, экономической безопасности. Речь идет о водообеспечении миллионов людей», — отметил Назарбаев [22]. Опасения соседних республик, связаны с тем, что возможность регулировать сток рек Амударьи и Сырдарьи сократит количество получаемой воды для орошения их сельскохозяйственных угодий. Кроме этого, это усилит позиции Кыргызстана и Таджикистана в регионе, что означает они смогут использовать воду, как инструмент влияния в различных спорах.

Острее всего вопрос стоял в отношении строительства Рогунской ГЭС располагавшееся на реке Вахш, в Таджикистане. Возведение ГЭС было начато еще в советское время, а после распада СССР строительство было заморожено. Независимый Таджикистан долгое время был в поиске инвесторов для своего «национального проекта». В 2008 году в связи с отсутствием других инвесторов Таджикистан решил возобновить работы за свой счет. Для властей Таджикистана строительство Рогунской ГЭС имело не только экономическое и политическое значение, но и пропагандистское. После перенесенной гражданской войны, Таджикистан остро нуждался

в объединяющей идее. Рогунское ГЭС своего рода озаменовал светлое будущее для страны. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон лично участвовал во всех значимых событиях связанные с Рогунской ГЭС, как церемония перекрытия русла реки Вахш и запуска первого агрегата. Такая активность только усиливало напряженность в регионе. Узбекская сторона обвиняла таджикские власти в стремлении построить слишком высокую плотину и «перехватить» всю воду, установив, тем самым, контроль над водоснабжением Узбекистана. В свою очередь, таджикская сторона обвиняла Узбекистан в том, что тот мешал развивать таджикскую гидроэнергетику, а также периодически отключает поставки газа и устраивает транспортную блокаду [23]. Несмотря на давление соседей, президент Таджикистана Эмомали Рахмон твердо решил завершить «национальный проект», представляющий гордость республики. В 2018 году был запущен первый агрегат, а в 2019 второй. Когда строительство Рогунской ГЭС завершится, ее плотина будет самой высокой в мире (335 м) [24]. Конфликтный потенциал сохранялся и в вопросе строительства Камбаратинских ГЭС в Кыргызстане. В первую очередь против выступал Узбекистан. Узбекская сторона была крайне недовольна амбициозными гидроэнергетическими планами Кыргызстана. Президент Узбекистана Ислам Каримов опасался, угрозы прорыва плотин в Кыргызстане и Таджикистане, поскольку строительство ГЭС (и Рогунской, и Камбар-Атинской-1) шла в местах тектонического разлома. Кроме этого, по его мнению, строительство ГЭС изменит режим ирригационного на энергетический, тем самым, будет нанесен значительный ущерб орошаемому земледелию и экологии стран низовья [8 с.83]. Острые противоречия накаляли конфликт между странами верховья

и Узбекистаном. Было очевидно, что позиция Ислама Каримова останется неизменной, как и позиция Кыргызстана и Таджикистана, что могло впоследствии привести к эскалации конфликта.

Ситуация изменилась с приходом нового президента Узбекистана — Шавката Мирзиёева, который взял курс на налаживание отношения с соседями и снижения конфликтного потенциала в регионе. Новоизбранный Президент определил Центральную Азию как приоритетное направление во внешней политике Узбекистана. На сегодняшний день позиция Узбекистана избавилась от эмоциональной составляющей и делает акцент лишь на важности учета интересов всех республик Центральной Азии при строительстве ГЭС в регионе. При этом, демонстрирует, что готов к более конструктивному сотрудничеству в гидроэнергетике, заявляя о готовности совместного строительства ГЭС в странах верховья. Так в ходе визита в Кыргызстан в 2017 году Президент Узбекистана заявил о совместном строительстве Камбаратинской ГЭС-1: «Мы будем вместе строить Камбаратинскую станцию. Потому что она нам необходима, нужна. Потому что, если мы возрождаем и говорим, что история нас не простит, мы должны это делать взвешенно, разумно, чтобы это было выгодно для двух сторон. А это выгодно» [25]. Достигнутые договоренности были подтверждены и в ходе последнего визита Шавката Мирзиёева в Бишкек, в марте 2021 года. Относительно Рогунской ГЭС позиция Узбекистана также смягчилась. По итогам своего визита в Таджикистан в 2018 году Президенты двух стран выпустили совместное заявление, в котором отмечалось «важное значение для Центральной Азии существующих и строящихся гидроэнергетических сооружений для решения водно-энергетических проблем» [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Острые вопросы по совместному водопользованию в регионе остаются нерешенными. Невысокая степень успешности объясняется следованием исключительно национальных интересов своей страны. При этом в политической активности недостатка не было. После обретения независимости было подписано множество межгосударственных соглашений по вопросам водных ресурсов, также созданы новые учреждения, призванные регулировать водные вопросы. Однако соглашения и договоренности часто несут декларативный характер и остаются лишь на бумаге. В регионе сохраняется проблема недостаточного взаимодействия [27]. Требуется реформа в вопросе водопользования. Необходимо вовлечения всех республик региона в процессы водной дипломатии. Ключевым компонентом успешности водной дипло-

матии в регионе является учет взаимных интересов. Для этого необходимо усадить все стороны за стол переговоров и наладить процесс выстраивания общей концепции управления водными ресурсами. Снять излишнюю политизированность в вопросах воды и сосредоточиться на социально-экономических компонентах. Увеличить обмен данными и информацией, что приведет к росту доверия между республиками. Поскольку доверие является основополагающим компонентом водной дипломатии, облегчится процесс прояснения недоразумений и неопределенности в отношении решений по управлению водными ресурсами. Кроме этого, важно следовать установленным договоренностям. В конечном итоге вода сможет стать не инструментом политического торга, а сотрудничеством в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Духовный В., Соколов В., Зиганшина З. Интегрированное управление водными ресурсами в Центральной Азии: Проблемы управления большими трансграничными реками. Стокгольм: ГВП; 2014. 60 с. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gwp/iwrm-ca.pdf> (дата обращения: 10.01.2021)
2. Ларуэль М. Водный вопрос в Центральной Азии — излишняя секьюритизация? / Женщины и вода в Центральной и Южной Азии — 2015 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6905> (дата обращения: 5.01.2021)
3. Каражанов З. У стран Центральной Азии есть желание решить водную проблему, но нет готовых рецептов//Ритм Евразии. 2018. URL:<http://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-12--u-stran-centralnoj-azii-est-zhelanie-reshit-vodnuju-problemu-no-net-gotovyh-receptov-38991> (дата обращения: 10.01.2021)
4. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015;18:90-100 с.
5. Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана от 12.10.1991. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute2_ru.htm (дата обращения: 2.01.2021)
6. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» от 18.02.1992. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL:

- http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 2.01.2021).
7. Нукусская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря от 5 сентября 1995, г. Нукус. URL: <http://mkur.uznature.uz/rus/nukusdeklaraciya.html> (дата обращения: 15.01.2021)
 8. Бояркина О.А. Проблемы и перспективы урегулирования международных конфликтов в сфере водопользования в Центрально-азиатском регионе: диссертация кандидата политических наук. Дипломатическая академия МИД РФ, Москва 2015. 83 с.
 9. Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья от 17.03.1998. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gov1.pdf> (дата обращения от 10.01.2021)
 10. Кыргызстан и Казахстан договорились об обмене электроэнергией. 2020. URL: <https://sptnkne.ws/C6Cx> (дата обращения: 12.01.2021)
 11. Ормышева Т.А. Кукеева Ф.Т. Сотрудничество стран Центральной Азии по решению проблемы трансграничных рек: анализ основных соглашений. *Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право*. 2016;73(1):65-69.
 12. UNESCO, UN-Water, 2020: United Nations World Water Development Report 2020: Water and Climate Change, Paris, UNESCO. 22 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000372985.locale=en> (дата обращения: 20.01.21)
 13. German Advisory Council on Global Change. Schubert R., Schellnhuber H.J., Buchmann N. Climate change as a security risk. UK and USA: Earthscan; 2008. 271 p.
 14. Ergashev B., Avliyokulov B. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Tashkent: Center for Economic Research; 2013. 64p. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf> (дата обращения: 02.02.2021)
 15. Waslekar S. Water is more than a strategic resource. We need to acknowledge that. 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (дата обращения: 08.02.2021)
 16. «О межгосударственном водопользовании Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном водными ресурсами Кыргызстана». Постановление собрания Народных Представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 26 июня 1997 года № 650-1. URL: <https://clck.ru/Vwg7r> (дата обращения: 20.01.21)
 17. «О Межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» Закон Кыргызской Республики от 23 июля 2001 года №76. Сайт Минюста КР URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> (дата обращения: 20.01.21)
 18. Искандерова А. Ждет ли Центрально-Азиатский регион экологическая катастрофа? Институт исследований Центральной Азии — 2019. URL: <https://central-asia.institute/vodnyj-prognoz-czentralnoj-azii-chetyre-sczenariya-razvitiya-sobytij/> (дата обращения 04.02.2021)
 19. Статья Президента Республики Таджикистан в журнале «Хроника ООН» под названием «Вода для устойчивого развития». URL: <https://clck.ru/TxMit> (дата обращения: 10.02.2021)
 20. Научно-информационный центр МКБК. 2018 Ежегодник «Вода в Центральной Азии и мире» Ташкент: НИЦ МКБК; 2019. 326 с. URL: <https://unrcca.unmissions.org/sites/>

- [default/files/yearbook2018_ru.pdf](#) (дата обращения: 10.02.2021)
21. Соков К. Грозит ли Средней Азии война за воду? 2015. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-10-23--grozit-li-srednej-azii-vojna-za-vodu-2015> (дата обращения: 15.03.21)
22. Лиллис Д. Узбекистан: Нурсултан Назарбаев пришел к дипломатическому компромиссу с Исламом Каримовым. 2010. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/58099> (дата обращения 15.02.2021)
23. Хуррамов Х.Х. Политический аспект водно-энергетических проблем в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015:4:100-108.
24. Таджикистан: Рогун слегка продвинулся, но не хватает денег. 2019. URL: <https://clck.ru/TxRyV> (дата обращения:22.02.2021)
25. Элкеева К. Как Бишкек и Ташкент будут строить ГЭС? 2017. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28721985.html> (дата обращения: 22.02.2021)
26. Совместное заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона об укреплении дружбы и добрососедства. 10.03.2018 г. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/15249> (дата обращения: 01.03.2021)
27. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. The *Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

REFERENCES:

1. Dukhovny V., Sokolov V., Ziganshina Z. Integrated water resources management in Central Asia: The challenges of managing large transboundary rivers. Stockholm; GWP; 2014. p. 60. URL: <https://clck.ru/Vx9t9> [Accessed: 10.01.2021]
2. Laruelle M. The Over-Securitization of Water Issues in Central Asia/Women and Water in Central Asia and South Asia. 2015 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6905> [Accessed: 5.01.2021](In Russ.)
3. Karajanov Z. There is a desire in the countries of Central Asia to solve the water problem, but there are no ready-made recipes. 2018. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-12--u-stran-centralnoj-azii-est-zhelanie-reshit-vodnuju-problemu-no-net-gotovyh-receptov-38991> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Central Asian politics regarding water use of transboundary rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;18:90-100.
5. Statement of heads of water economy organizations of Central Asian Republics and Kazakhstan adopted on 10-12 October 1991. Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. URL: <http://www.icwc-aral.uz/statute2.htm> [Accessed: 2.01.2021]
6. Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Joint Management on Utilization and Protection of Water Resources from Interstate Sources adopted on 18 February 1992. Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. URL: <http://www.icwc-aral.uz/statute1.htm> [Accessed: 2.01.2021]
7. Nukus Declaration of the Central Asian countries and international organizations on issues of sustainable development of the Aral Sea Basin adopted on 5 September 1995. URL: <http://mkur.uznature.uz/rus/nukusdeklaraciya.html> [Accessed: 15.01.2021] (In Russ.)

8. Boyarkina O.A. Problems and prospects for the settlement of international conflicts in the field of water use in the Central Asian region: dissertation of the candidate of political sciences. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow 2015. P.68.
9. Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan, the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Uzbekistan on the Use of Water and Energy Resources of the Syrdarya River Basin adopted on March 3 1998. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gov1.pdf> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.)
10. Kyrgyzstan and Kazakhstan agreed to exchange electricity//Sputnik Kyrgyzstan. 2020. URL: <https://sptnkne.ws/C6Cx> [Accessed: 12.01.2021] (In Russ.)
11. Ormysheva T.A. Kukeyeva F.T. Central Asian states cooperation to solve the issue of transboundary rivers: analysis of the main agreements. *International Relations and International Law Journal*. 2016;73(1):65-69.
12. UNESCO, UN-Water, 2020: United Nations World Water Development Report 2020: Water and Climate Change, Paris, UNESCO. 22 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000372985.locale=en> [Accessed: 20.01.21]
13. German Advisory Council on Global Change. Schubert R., Schellnhuber H.J., Buchmann N. Climate change as a security risk. UK and USA: Earthscan; 2008. 271 p.
14. Ergashev B., Avliyokulov B. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Tashkent: Center for Economic Research; 2013. 64p. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf> [Accessed: 02.02.2021]
15. Waslekar S. Water is more than a strategic resource. We need to acknowledge that 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> [Accessed: 08.02.2021]
16. «On interstate water use by Uzbekistan, Kazakhstan and Tajikistan of water resources of Kyrgyzstan» Resolution of the Assembly of Peoples Representatives of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic dated June 26, 1997 №. 650-1. The website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://clck.ru/Vwg7r> [Accessed: 20.01.21] (In Russ.)
17. «On interstate use of water objects, water resources and water management constructions of the Kyrgyz Republic» Law of the Kyrgyz Republic dated July 23, 2001 № 76. The website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> [Accessed: 20.01.21] (In Russ.)
18. Iskanderova A. Will the Central Asian region face an ecological catastrophe? Institute for Central Asian Studies — 2019.URL: <https://central-asia.institute/vodnyj-prognoz-czentralnoj-azii-chetyre-sczenariya-razvitiya-sobytij/> [Accessed: 4.02.2021] (In Russ.)
19. An article by the President of the Republic of Tajikistan in the UN Chronicle magazine «Water for Sustainable Development». Ministry of foreign affairs of the Republic of Tajikistan - 2018. URL: <https://clck.ru/TxMit> [Accessed: 10.02.2021] (In Russ.)
20. Scientific-Information Center ICWC. 2018 YEAR BOOK “WATER IN CENTRAL ASIA AND THE WORLD” Tashkent: SIC ICWC; 2019. 326 c. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/yearbook2018_ru.pdf [Accessed: 10.02.2021] (In Russ.)
21. Sokov K. Is Central Asia threatened by a war for water? 2015. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-10-23--grozit-li-srednej-azii-vojna-za-vodu-20210> [Accessed: 15.03.2021] (In Russ.)
22. Joanna Lillis. Uzbekistan: Nursultan Nazarbayev reached a diplomatic compromise with Islam Karimov. 2010. URL: <https://russian.eura>

- sianet.org/node/58099 [Accessed: 15.02.2021] (In Russ.)
23. Khurramov Kh.Kh. The political aspect of water and energy problems in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2015;4:100-108.
24. Tajikistan: Rogun slightly advanced, but not enough money. 2019. URL: <https://clck.ru/Tx-RyV> [Accessed: 22.02.2021] (In Russ.)
25. Elkeeva K. How will Bishkek and Tashkent build hydroelectric power plant? 2017. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28721985.html> [Accessed: 22.02.2021] (In Russ.)
26. Joint statement of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev and the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon on strengthening friendship and neighborliness. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/15249> [Accessed: 1.03.2021] (In Russ.)
27. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гулбара Ч. Акунова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
akunovag17@gmail.com

Gulbara Ch. Akunova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
akunovag17@gmail.com